

Сибирь нуждается в деколонизации: взгляд с берегов Енисея

Строго говоря, когда на очередных выборах еще случались сенсации общенационального масштаба, “зеркальный” край всегда обозначал их более выпукло, нежели страна в целом. Так, в 1993-м за ЛДПР проголосовал каждый третий (!) житель края, пришедший на избирательные участки. Когда в 2003-м сенсацией для многих стал результат “Родины”, в Красноярском крае она заняла второе место, почти вдвое опередив и ЛДПР, и КПРФ. О популярности риторики Сергея Глазьева можно было судить еще по губернаторским выборам 2002 года — он тогда завоевал в крае “бронзовую медаль”. Но если говорить о главном выборе страны двух первых десятилетий нашего века — о Владимире Путине и “Единой России”, Красноярский край стабильно демонстрировал куда меньшую симпатию и к президенту, и к партии, чем страна в целом. И на думских, и на президентских выборах процент голосов, поданных за ЕР и Путина, оказывался намного меньше и чем в стране, и чем в других важных регионах. Ниже была и явка.

Кроме того, в Красноярском крае появились некоммунистические силы, которые даже в самые благоприятные для нынешнего режима годы могли выигрывать у ЕР местные выборы — например, в горсоветы Красноярска или Назарова (последние — с трехкратным преимуществом). Речь о партии дважды судимого Анатолия Быкова, бывшего “теневоего губернатора” и депутата Законодательного собрания края. Создавать местные партии в России запрещено, и Быков

работал “по франшизе” с несколькими федеральными партиями — перечислять их незначем, поскольку в крае их знали исключительно как “партию Быкова”. В последнее время фактор Быкова существенно ослабел, однако это не умаляет того обстоятельства, что в важнейшем регионе “партию власти” на местных выборах — и не только в миллионных городах, но и в небольших — вполне удается переигрывать с разгромным счетом.

Таким образом, край перестал быть политической моделью для России в целом. Но в крае ли дело или в России?

Уже одно только резкое расхождение в предпочтениях, которое обозначилось в “нулевых” между в прошлом “зеркальным” регионом и страной, свидетельствует о вбросах бюллетеней, рисовании угодных начальству цифр и прочих известных механизмах “управляемой демократии”. Очевидно, что в Красноярске административный ресурс работает скромней, чем, например, в северокавказских электоральных аномалиях. Страна с “нулевых” разделилась еще и по такому признаку. Но это не единственная причина разрыва в цифрах. Умонастроения азиатской части страны обнаруживают и существенные расхождения с Россией европейской — эти расхождения стали особенно заметны начиная с “нулевых”, когда стали расти цены на нефть, добываемую в Сибири, но не идущую ей впрок.

Экологическая катастрофа в Красноярске — прямое следствие колониалистской политики

Поскольку все рассуждения насчет проблем Сибири ныне чреваты предъявлением обвинения по ст. 280 УК РФ, уточню сразу, что требования жителей сибирских областей закреплены в 1993 году ст.1 п.1 Конституции, утверждающей федеративную форму государственности России. В Сибири речь идет не о сепаратизме, а о регионализме и о стремлении вернуться к подлинному федерализму.

Колониальное освоение российским государством Сибири изначально подразумевало эту землю не самостоятельной ценностью, а лишь средством — для зарабатывания или воровства. Это не субъект, а объект, страдающая сущность, целина, которую непременно надо вздыбить и обратить в контракты и кэш; в баррели, кубометры и тонны пушнины или нефти, в зависимости от того, что ценится вовне на сей момент. Для государства это также площадка для размещения наиболее грязных и опасных производств. Это чулан, задний ходвор, куда можно скинуть опасный балласт — будь то радиоактивные отходы или уголовники и террористы. Это пространства каторги и лагерей.

Так было и есть (но не будет — если история продлится; все колониальные территории со временем обретают субъектность). Азиатская часть России всегда была придатком, но законченные функциональные очертания земли за Уралом обрели именно сейчас, при нынешнем режиме, когда ресурсодобывающая Сибирь более стремительно и успешно, чем Россия в целом, вписалась в мировой рынок. В разные периоды российской истории к Сибири все же относились по-разному; можно вспомнить реформы Столыпина или Витте. И в СССР, особенно в позднем, политика центральной власти в отношении Сибири менялась. В ходе Второй мировой произошла вынужденная индустриализация Сибири — промышленные мощности из западной части СССР эвакуировали на восток. А хищническое варварство, с каким осваивали сибирские просторы, все же пытались смягчить; например, в последние десятилетия советской

власти строили уже не шахты, плавильные печи и бараки, а театры и художественные галереи — под лозунгом “Превратим Сибирь в край высокой культуры”. Стандарты жизни в Сибири пытались подтянуть. Но всегда, даже в самые благоприятные для нее времена, Сибирь “развивали”, вместо того чтобы дать ей развиваться самой сообразно ее собственным представлениям.

В девяностые к власти впервые пришли всенародно избранные, а не назначенные Москвой губернаторы, и в начале того десятилетия и местное общество, и сами руководители сибирских регионов вынесли в повестку все то, о чем было говорено и за 100, и за 150 лет до них сторонниками сибирской автономизации. Нельзя сказать, что Москва не слышала, — в верхних эшелонах власти тогда реально присутствовало урало-сибирское лобби. И гайдаровское правительство, например, предпринимало усилия, чтобы остановить вывоз леса-кругляка и развивать его переработку в Сибири.

Тем не менее с региональной фрондой разобрались еще в девяностые, а в “нулевые” в Сибири восстановили даже не позднесоветский статус-кво, а примитивное экстенсивное хозяйствование в самом античеловеческом варианте. Строительство новых комбинатов, прокладка трубопроводов или воздвижение Богучанской ГЭС на Ангаре вновь оказались важнее; и вновь оказалось возможным пренебречь интересами тех, для кого эти проекты обернулись уничтожением их родины или сделали непригодной их жизненную среду. Хотя в списке главных колониальных товаров мех и “мамонтову кость” уже давно заменили нефть, газ и металлы, подходы и методы остались неизменными. А это куда губительней для самой Сибири, ведь сегодняшние проекты вбирают в себя те же соболиные и песцовые шкуры в куда больших количествах, вбирают все вещество местной жизни: добыча сырья сопровождается уничтожением природных ландшафтов, изменением климата, гибелью местных экосистем, оскудением всего строя, уклада сибирского мира.

Выкачанный из Сибири газ уходит в метрополию и дальше, а сама она отапливается экологически опасными бурями углями

и дышит сажей. Именно так обстоят дела в Красноярске и во многих других городах и городках за Уралом.

Основной загрязнитель Красноярска — КраЗ, крупнейший в мире алюминиевый завод, плавит металл по технологии вековой давности прямо в черте города. КраЗ входит в «РУСАЛ» Олега Дерипаски — компания в целом один из величайших загрязнителей Сибири¹. При этом сам «РУСАЛ» не скрывает², что выбросы его предприятий не соответствуют нормативам. Можно было бы попробовать не оправдать, но объяснить вред, наносимый КраЗом, экономическими выгодами для региона (значительными налоговыми поступлениями), однако после того, как контроль над заводом обрел Дерипаска, КраЗ минимизировал налоговые выплаты. Сегодня «РУСАЛ», обладающий самыми крупными предприятиями в центральной части края, не входит даже в десятку крупнейших региональных налогоплательщиков³. И Красноярск, самый восточный «миллионник» России, уже перестает существовать как город — в том смысле, который вкладывают в это понятие в современном мире. Впрочем, Минздрав края и Роспотребнадзор уже запустили проект адаптации подрастающего поколения к смогу⁴.

Между тем Красноярский госуниверситет, который в последние советские годы был практически прикладным вузом, в постсоветские начал вроде бы приближаться к университету в классическом понимании этого слова. Однако за время путинского президентства университет поглотил технические вузы, стал Сибирским федеральным университетом, отчего потерял обретенные зачатки гуманитарного образования и вновь вернулся к тому, с чего начинал. В качестве основной для университета сформулирована задача подготовки кадров для сырьевых компаний. Госзаказ дан на спецов по выкачиванию недр и обслуживанию труб, и гуманитарии здесь не просто не нужны — они вредны.

В последнем государственном докладе «О состоянии и об охране окружающей среды РФ»⁵, обнародованном 28 декабря 2017 года, приоритетный список городов России с наибольшим уровнем загрязнения в 2016 году включает 20 городов с общим числом жите-

лей 4,1 млн человек. Стоит ли говорить, что эти города — из азиатской части страны? Только Магнитогорск — на границе Европы и Азии: с правого, европейского берега реки Урал горожане ездят работать на металлургический комбинат, чадающий, в полном соответствии с традициями, на левом, азиатском берегу. И остальные 19 городов, где дышать просто нечем, — азиатские, сибирские. Красноярский край представлен четырьмя городами, сам Красноярск — единственный миллионник в этом списке, а весь край привычно лидирует среди регионов РФ по объему выбросов загрязняющих веществ из стационарных источников (за год 2,4 млн тонн или 14% от всех выбросов стационарных источников в России). Как и в предыдущие годы, атмосферные осадки, наиболее загрязненные сульфатами, зарегистрированы в Норильске (Красноярский край). Великие и прежде чистые сибирские реки Енисей и Обь «потеряли питьевое значение».

Сибирских городов в этом списке было бы значительно больше, если бы в борьбе за экологию правительство РФ не добилось резкого улучшения показателей загрязнения воздуха формальдегидом и фенолом. Произошло это исключительно благодаря постановлению главного государственного санитарного врача РФ №3 от 12 января 2015 года «О внесении изменения в ГН 2.1.6.1338–03 «Предельно допустимые концентрации (ПДК) загрязняющих веществ в атмосферном воздухе населенных мест»». Если коротко, норматив увеличен втрое. И по расчетам Минприроды РФ⁶, если бы мы меряли формальдегид по прежним нормативам, его средняя концентрация в городах России составила бы в том же 2015 году 3,0 ПДКс.с. (предельно допустимой среднесуточной концентрации), а по новым — это 0,9 ПДКс.с. То есть тройное превышение выявлено порядком вещей.

Краевые госдоклады о состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения⁷ (от регионального управления Роспотребнадзора) и о состоянии окружающей среды⁸ (от Минэкологии) — поразительное чтение, если сопоставить их с экономической статистикой. О колониальном бытии: насколько больше среднего россиянина

средний красноярец дает стране, настолько же ниже его стандарты жизни и настолько же меньше страна заботится о нем и его здоровье, разрешая крупнейшим бизнес-корпорациям дикие объемы выбросов, не укладывающиеся ни в какие нормативы. Краевой ВРП на душу населения стабильно превышает средний уровень российских регионов — в разные годы от 10% до 40%⁹. И стабильно, из года в год, Роспотребнадзор, ссылаясь на Федеральный информационный фонд, фиксирует: край превышает средние по РФ показатели заболеваемости населения злокачественными новообразованиями органов дыхания в 1,1–1,4 раза. То есть ровно в той же мере.

При этом темпы прироста рака в крае из года в год повышаются. Разные ведомства считают по-разному: данные Роспотребнадзора — среднегодовой темп роста уровня заболеваемости населения злокачественными новообразованиями с 2004-го по 2014-й в целом по краю составил 2,27%. С 2005-го по 2015-й — уже 2,5%. Минэкологии посчитало¹⁰: среднегодовой темп на протяжении 2011–2015 годов — 4,99%.

При этом уровень заболеваемости раком у детей до 14 лет с 2013-го по 2014-й, по сведениям Роспотребнадзора, вырос в 1,7 раза (!) — с 6,7 до 11,4 случаев на 100 тыс. А в 2015-м этот показатель составил уже 13,0 случаев. То есть за два года — рост почти вдвое.

Среднегодовой темп прироста впервые выявленных новообразований в крае за 2011–2015 годы — 4,3% против 0,5% в России. Красноярский край относится к территориям риска по заболеваемости детей и подростков психическими расстройствами (с впервые установленным диагнозом); красноярский уровень превышает соответствующие показатели по России в 1,5 и более раз. При этом внутри края среди территорий есть “чемпионы”: краевой показатель заболеваемости подростками в 1,2–5,2 раза превышен в промышленных городах Красноярск, Норильск, Лесосибирск.

Экологическая катастрофа в Красноярске выглядит как апофеоз колониалистской политики центра¹¹, особенно на фоне мировых трендов.

Подчеркну, что резкое ухудшение экологической обстановки в сибирских горо-

дах происходит именно в последние годы; в больших и малых городах Сибири и Урала экология становится центральной темой. В прошлом году акции протеста прошли в Иркутской, Новосибирской, Омской, Челябинской, Курганской областях, Якутии. В Красноярске смог — режим “черного неба” — стал главной фразой последнего времени и главной причиной гражданской активности. В последнее десятилетие все самые многочисленные митинги в Красноярске — те, куда людей не свозили организованно автобусами, а куда они приходили сами, — были посвящены экологическим угрозам. (О мощном народном движении говорить не приходится: тут нет таких традиций, да и характер не тот, но все соцопросы показывают, что экологические проблемы вышли на первое место среди забот горожан, и поскольку участие в выборах не требует гражданских подвигов, недовольство загрязнением окружающей среды неизбежно отразится на результатах голосования.) Состояние окружающей среды — это вопрос выживания, перед ним отступают на второй план даже экономические интересы, обычно главенствующие.

Местные политики (в частности, Быков), критикующие нынешние межбюджетные отношения с метрополией, говорят, что туда уходит две трети собираемых в крае налогов; из 600 млрд рублей остается чуть больше 200 млрд. Легко представить себе, с каким чувством край, которому не хватает денег на бензин для скорой помощи и ремонт школ, смотрит сюжеты московского телевидения об иллюминации в Москве (*Об источниках московского бюджета см. статью Н. Зубаревич “Отношения центр — регионы: что изменилось за четыре года кризиса?” — Прим. ред.*) Госдолг края — 99,6 млрд¹². Это второе место среди регионов¹³. В прошлом году долг достигал исторического максимума — 105,4 млрд.

Подушевые расходы краевого бюджета прошлого года¹⁴ составили 75,1 тыс. рублей. Это не только в разы меньше московских расходов — это меньше и показателей напроць дотационных регионов. Социальные показатели края не соответствуют его экономике, так что неудивительно, что народ отсюда утекает. С 1990 года по 2010-й численность населения

Красноярского края сократилась¹⁵ на 323 тыс. человек, или на 10,2% (в целом по России — лишь на 3,3%). С 2011 года депопуляция здесь частично компенсируется за счет среднеазиатских мигрантов, но назвать эту тенденцию устойчивой специалисты пока не решаются.

Поиск сибирской идентичности. Из истории вопроса

Исторически вопрос о сибирской идентичности связан с движением сибирского областничества, зародившимся во второй половине XIX века, арестами и репрессиями против его основоположников и участников. Сибирские областники ориентировались на историю становления США. Аналогий, действительно, немало. Покорение Северной Америки и Сибири происходило примерно в одно и то же время, первые сибирские города возникали почти одновременно с первыми американскими, “золотая лихорадка” охватила Восточную Сибирь тогда же, когда и Калифорнию. Однако все это — лишь внешнее сходство. Суть в том, что экспансия европейцев в Америку совершалась главным образом в форме частной инициативы, вольными людьми, а русские шли в Сибирь “от государства” и для него, государства, от и для России.

“Страной будущего” Сибирь называл и один из основоположников сибирского областничества Николай Ядринцев¹⁶, и путешествовавший по ней Фритьоф Нансен¹⁷. Царские, а потом советские чиновники отзывались о Сибири ровно так же, но вкладывали в эту фразу, очевидно, иной смысл: министр внутренних дел Российской империи при Александре I Осип Козодавлев (1753–1819) называл Сибирь в официальных бумагах “Мехика и Перу наше”¹⁸ — то есть все же не США, а богатая ресурсами колония, не субъект, а объект.

Незадолго до Октябрьской революции 1917 года Конференция общественных организаций Сибири утвердила в Томске постановление “Об автономном устройстве Сибири”, сибирский национальный флаг и герб. Немного погодя было сформировано и Сибирское временное правительство. 4 (17) июля 1918 года

Сибирь провозгласила независимость (была выпущена Декларация о государственной самостоятельности Сибири¹⁹). Подчеркну: областники не говорили об окончательном отделении, то была независимость временная и вынужденная, поскольку, по их мнению, российская государственность перестала существовать. Автономное плавание огромного региона продлилось лишь 122 дня.

С конца 80-х годов прошлого века идеи сибирской самостоятельности вышли за пределы маргинальных кругов и стали чуть ли не основным направлением местных политических дискуссий. В начале 1992 года в Красноярске состоялся съезд, на котором собрались депутаты разных уровней со всей Сибири и прозвучали слова: “Мы без Москвы проживем, Москва без Сибири — вряд ли”. Радикалы предлагали в рамках межрегиональной ассоциации “Сибирское соглашение” принять декларацию о государственной независимости Сибири, упразднить на местах все органы колониальной российской власти и создать Сибирскую республику. К лету 92-го появился план введения в регионе своих, красноярских денег. Деньги с официальным названием “внутренняя расчетная единица” напечатали в Новосибирске. Народное название — “ауграм” (с намеком на привязку к золоту). Образцом послужили долларовые купюры, на месте портрета американского президента — герб Енисейской губернии, затем Красноярского края: лев с лопатой и серпом. Первая партия краевых денег — два с половиной миллиона ауграмов (на старте предполагался курс 20–30 рублей за один ауграм) — прибыла в Красноярск. Однако государство даже образца 1992 года не полностью утратило бдительность: спецслужбы прикрыли проект. В Екатеринбурге аналогичная попытка введения параллельно рублю “уральских франков” также завершилась фиаско. Там говорили об Уральской республике, в Красноярске — о преобразовании края в Енисейскую (Среднесибирскую) республику. В 1993 году глава краевого совета Вячеслав Новиков (1948–2014) заговорил о возможности объединения с Иркутской областью в Восточно-Сибирскую республику.

С началом чеченской войны попытки

регионов взять нахрапом либо выторговать себе “больше суверенитета” утихли. С приходом к власти Владимира Путина тему и вовсе похоронили.

Подчеркну: Вячеслав Новиков, первый губернатор края, избранный народом в 1993-м, Валерий Зубов (1953–2016), его заместитель Владимир Кузьмин (1951–2000) были не сепаратистами, а как раз истинными государственниками — уж точно не меньше кремлевских. Роли удельных князьков их не устраивали — хотя, по всем соцопросам, большинство в крае тогда выступало за поиск “независимых от центра экономических решений”. Краевые руководители не желали развала России, но выступали за реальную федерацию. Сначала они добивались, чтобы регионы обладали контролем над тем, как центр использует их ресурсы, и требовали, чтобы Кремль отчитывался, как и по каким критериям раздаются льготы, квоты, валюта от экспорта (Москва выдавала разрешения на экспорт производимого Норильским комбинатом никеля, но сам комбинат был лишь пз-м по счету — после московских фирм). Затем главы регионов боролись за равноправие субъектов федерации, справедливые межбюджетные отношения, четкое разделение между Москвой и регионами полномочий и налоговых источников. В начале девяностых Красноярский край был лидером в отстаивании интересов регионов-доноров. Край тогда вел бюджетные войны с центром, стремясь удержать налоговые поступления для нужд собственных жителей, подавал в Высший арбитраж иск к федеральной власти, настаивал на региональной структурной перестройке, громко требовал децентрализации управления, “переноса центра тяжести реформ на места”. Москва, правда, по-своему понимала этот тезис, и жизнь “на местах” действительно становилась тяжелей, но тем не менее намечались контуры фактической федерации. В конце концов федерации не получилось, но тогда региональные власти хотя бы пытались отстаивать региональные интересы.

В Сибири их было немного — федералистов, кто мог бы повернуть историю и этой земли, и всей России к более рациональному устройству. Кроме красноярских — еще Ви-

талий Муха, бывший новосибирский губернатор, Юрий Ножиков, первый всенародно избранный и лучший губернатор Иркутской области. Региональных лидеров, кто мог бы стоять с ними вровень, больше нет. Тот феодализм, за который они боролись, сегодня подменен феодальными инструментами: точечными подачками, льготами избранным, созданием всевозможных госкорпораций, министерств, контор, призванных поднимать тот или иной регион. Для закулисной работы в Москве созданы постпредства регионов. Если бы Российская Федерация соответствовала своему наименованию, в таких представительствах “субъектов”, может, и был бы резон. Но в нынешних условиях для красноярского чиновничества имело бы не меньше смысла открыть постпредство в Лондоне, поскольку наполняемость краевого бюджета зависит от конъюнктуры тамошней биржи металлов куда больше, чем от московских решений. Или в Пекине, куда, собственно, вывозится сырье и с кем/чем связаны многие перспективы края. Сегодня функции краевых властей вновь те же, что при феодализме, — способствовать выкачиванию из региона ресурсов.

Слияние за деньги как имитация регионализма

Жизнь требует структурных реформ в экономике и региональной политике, однако монолитная система на них не решается. Вместе с тем совсем не откликаться на вызовы она тоже не может. В заданных Кремлем правилах эта реакция укладывается в 3 “Д” — декларации, декорации и демонстрации, — своего рода вариация на тему 4 “И”, провозглашенных Дмитрием Медведевым в 2008 году на Красноярском экономическом форуме (институты, инфраструктура, инновации и инвестиции), или 4 “Д” Александра Хлопонина (дети, демография, деревня, дом), программы, которую он предложил в 2006 году, когда вторично выдвигался в красноярские губернаторы.

В сегодняшней России крупные города могут развиваться только за счет крупных де-

монстрационных мероприятий, по большей части спортивных — чемпионатов мира, Олимпиад или Универсиад. Так, Красноярск продолжает выпрашивать федеральные деньги под зимнюю Универсиаду-2019, однако траты на новые стадионы и лыжные трассы — не совсем то, в чем на самом деле нуждается город.

Что же до регионов, то федеральный центр может выборочно и точно продемонстрировать заботу, например, о Дальнем Востоке и создать новые административные структуры, госкорпорации, проекты государственно-частного партнерства и прочие декорации. Это движение сверху. Бывает и снизу, от региональных властей: перед новогодними праздниками врио губернатора Красноярского края Александр Усс заявил о “сверхзадаче” — создании Енисейской экономической зоны, что станет, по его словам, новым этапом освоения Сибири. Речь не об административном, но экономическом объединении Красноярского края, Тувы и Хакасии. В первые три месяца года обещаны организационно-правовые предложения, которые должны прояснить общие очертания этой новой “зоны” (уже, впрочем, предпочитают говорить не о “зоне”, а о новом “экономическом районе” — в краю зон и лагерей так благозвучней).

Как и в случае с Дальним Востоком, эта чиновничья инициатива увязана с бизнес-интересами конкретных частных лиц. Речь не о повышении статуса региона (регионов), а о поиске новых оснований для того, чтобы обратиться к федеральным ведомствам с просьбой о деньгах и преференциях под масштабные инфраструктурные проекты. Прежде всего речь идет о строительстве железнодорожной ветки Кызыл-Курагино для вывоза тувинского каменного угля, а также о формировании на юге Красноярского края и в Хакасии “сельскохозяйственного кластера”. Бизнес-проект, осуществляемый на нескольких территориях, всегда стремится минимизировать административные риски.

Не сказать, что идея слияния в том или ином виде енисейских регионов хоть сколько-нибудь новая. Она существовала всегда, и тот же Усс не раз к ней возвращался, особенно в начале “нулевых”, когда боролся с Хло-

пониным (ныне вице-премьером РФ) за пост красноярского губернатора. Хлопонин тогда тоже много говорил о слиянии. Тема укрупнения регионов как логичное продолжение обозначенной в первые же месяцы президентства Путина линии на “административное укрепление” федерации активно обсуждалась в середине первого путинского срока (страной управлять удобнее, если в ней будет не 89 регионов, а 45–50), и незадолго до гибели Александра Лебедева, тогда красноярского губернатора, случившейся 28 апреля 2002 года, в околокремлевских кругах много говорили о создании на базе Енисейского региона — Красноярского края, Эвенкии, Таймыра, Хакасии и Тувы — экспериментальной укрупненной губернии. В губернаторы прочили Сергея Шойгу (родился в Туве, учился в Красноярске, здесь же, в крае и Хакасской автономии, начинал работать). Дума занялась сразу тремя законами (об образовании нового субъекта федерации, об изменении границ и об изменении статуса субъекта). Но — не случилось, хотя край позже все же абсорбировал Таймыр и Эвенкию, которые входили в его состав ранее.

Новая-старая инициатива Усса развивается в традиционном формате. Трескучие, как заведено, и абсолютно бессмысленные фразы: “Енисейская Сибирь как стержень восточного вектора России”, “ускоренное развитие Сибири”, “новая индустриализация Сибири” и т.д. Это Усс. А вот подхватывающий эстафету глава Тувы Шолбан Кара-оол: “Еще один шаг к реализации объявленного президентом России Владимиром Путиным разворота страны на Восток”. Хакасские СМИ меж тем приписывают идею объединения Виктору Зимину, главе Хакасии, — дескать, он заявил ее прежде Усса, на заседании регионального правительства 9 ноября.

Реальное, конституционное объединение регионов сейчас невозможно — даже не бессмысленно, а губительно; экономическое же сотрудничество не стоит комментировать. Это — обычная работа региональных администраций. Разве у Хакасии, Тувы и Красноярска разная валюта и таможи на границах? Никто не мешает развитию единого экономического пространства — кото-

рое, кстати, худо-бедно существует между Красноярьем и отколовшейся от него в 1991 году Хакасией. Тува же отделена лишь в географическом, ландшафтном смысле — горными хребтами, и никакие документы, а уж тем более симулякры вроде “восточного вектора”, не обеспечат ее физического приближения.

Уссу предстоят в сентябре губернаторские выборы, и пиаровский характер объединительной идеи выдает то, с чего она стартовала — в Москве 12 декабря Усс подписал с владельцами крупнейших компаний, работающих в регионе, — Владимиром Потаниным (ПАО “ГМК “Норильский никель”), Олегом Дерипаской (ОК “РУСАЛ”) и Андреем Мельниченко (АО “СУЭК” и “СГК”) — меморандум о взаимодействии. Публику убеждают²⁰, что бизнес благодаря усердию Усса раскошелится на 584 млрд (чуть не три краевых бюджета) — и это станет инвестициями в “устойчивое развитие края”. В реальности это не внезапно появившиеся вливания в краевое благополучие, а абсолютно плановые, известные задолго до меморандума цифры финансирования компаниями собственных производственных площадок, собственного нового строительства, обновления средств производства и программ модернизации. Примерно на том же уровне осуществлялись (и постепенно возрастали) капиталовложения и в предыдущие годы. Такова реальность — годовые бюджеты крупных компаний, разрабатывающих недра в крае, смердящих в нем, плавящих в нем металл, в разы превышают бюджет самого края. К капиталовложениям пристегнули и социальные программы крупного бизнеса, которые раньше обозначались отдельной строкой. Вышло красиво и громко.

Состоявшееся десять лет назад слияние края, Таймыра и Эвенкии осуществлялось как инвестиционный проект — в расчете на “федеральные инвестиции”. Альбер Камю говорил: “Это не цель оправдывает средства, а средства служат для оправдания цели”. И те финансовые средства, на которые регион рассчитывает в случае реализации очередной инициативы, оправдают любую цель. Важна не цель, ценен лишь процесс, “движуха”. Но поскольку привычка есть к экстенсивному хозяйствованию, то и ведутся речи об укрупнении — как о добы-

че очередных миллионов тонн руды.

В 2011 году за одиннадцать дней до парламентских выборов Путин озадачил Шойгу, тогда главу МЧС, поручив ему подумать над программой развития Сибири. С нечеловеческим ускорением в сибирских регионах чиновники собирались с приближенными к ним деятелями науки и бизнеса и придумывали новую программу. В Красноярске, в частности, прозвучал такой лозунг: “Не надо денег, дайте свободы”. Но поскольку тусовка собралась окол властная, то большинство всё же склонилось к приоритету денег перед свободой.

Та программа разделила участь прочих многочисленных программ и стратегий относительно Сибири — все попытки перестроить отношения метрополии и азиатской колонии всегда отдавали обреченностью. Почти полтора столетия назад Николай Ядринцев в самом значительном своем труде “Сибирь как колония” подробно описал эти вековые метания: “Централизация здесь приводила к одним злоупотреблениям, а предоставление независимой власти начальникам на месте — к другим. Таков был давнишний сфинкс сибирской истории”²¹. С горечью — даже о знаменитом правлении Сперанского: “Ревизия Сперанского, хотя и лучшего человека своего времени, не помогла, как не помогло прекращению злоупотреблений его управление. Средство оставалось одно: создать новые основания управления, уследив причины зла. <...> Попытки эти проходят через всю историю Сибири”²².

Один из идеологов сибирского регионализма Григорий Потанин писал более ста лет назад: “Сибирь — подарок, который народная масса поднесла России. Ее завоевал не генерал, не воевода... <...> Следовало бы ожидать, что русский народ построит на новом месте здание более стройное, какое-нибудь усовершенствованное народоправство. Но он этого не сумел сделать. <...> ...потребность в автономии чувствуется сильнее, чем в какой другой части Великороссии. Поэтому Сибирь в развитии автономистского движения в великорусских областях будет передовым застрельщиком”²³.

Сибирь нуждается в деколонизации. Но сегодня даже выдвинуть это требование

не в состоянии ни одна парламентская партия и ни один государственный деятель. Причем не только в Москве, но и в самих зауральских регионах. И дело даже не в том, что объединение сибиряков невозможно и в РФ запрещены локальные партии. Сибиряки по-прежнему, как и сотни лет назад, находятся в поиске идентичности; а тем, кто собирает ренту с природных ресурсов края, не нужно, чтобы здесь развивалось самосознание.

Между тем в качестве колонии Сибирь

в перспективе не выгодна и России. Да, 70% российского экспорта — из Сибири. Но в этом и причина невысокого спроса всей страны на ценности и институты демократии, на децентрализацию жизни и индивидуализм: жизнь на сырьевые доходы развращает, ведет к стагнации, мотивирует лень, коррупцию и глупость. Россия сегодня как никогда зависит от Сибири. И в ее интересах развивать реальный федерализм.

Примечания

- 1 *Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики* // Аналитический центр при правительстве РФ. 2017, август. Выпуск № 28. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/14132.pdf> (доступ 07.02.2018).
- 2 *UC RUSAL Sustainability report 2016* // RUSAL. URL: <https://sr.rusal.com/environmental-protection/emissions-into-the-atmosphere.php> (доступ 07.02.2018).
- 3 *Путеводитель по бюджету Красноярского края-2017* // Министерство финансов Красноярского края. С. 12. URL: <http://minfin.krskstate.ru/dat/File/10/17-19%20correct%20.pdf> (доступ 07.02.2018).
- 4 *О реализации медико-профилактических мероприятий, снижающих неблагоприятное воздействие загрязненной среды обитания на здоровье населения города Красноярска* // Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Красноярскому краю. URL: <http://24.rosпотребнадзор.ru/directions/InfAnMat/148909/> (доступ 07.02.2018).
- 5 *Государственный доклад "О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году"* // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. С. 18. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=344156> (доступ 07.02.2018).
- 6 *Государственный доклад "О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году"* // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. С.10–15. URL: <http://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/62f/dokl2015.pdf> (доступ 07.02.2018).
- 7 *Государственные доклады о состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Красноярском крае. 2006–2018 годы* // Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Красноярскому краю. URL: <http://24.rosпотребнадзор.ru/documents/regional/GosDoklad/> (доступ 07.02.2018).
- 8 *Государственные доклады о состоянии и охране окружающей среды в Красноярском крае. 2007–2018 годы* // Министерство природных ресурсов и экологии Красноярского края. URL: <http://www.mpr.krskstate.ru/envir/page5849> (доступ 07.02.2018).
- 9 *Социально-экономическое положение края* // Красноярский край. Официальный портал. URL: http://www.krskstate.ru/2030/plan/1_1 (доступ 07.02.2018).
- 10 *Государственный доклад "О состоянии и охране окружающей среды в Красноярском крае в 2015 году"* // Министерство природных ресурсов и экологии Красноярского края. С.194. URL: <http://krassecology.ru/data/docs/Государственный%20доклад%20О%20состоянии%20и%20охране%20окружающей%20среды%20в%20Красноярском%20крае%20в%202015%20году.pdf> (доступ 07.02.2018).
- 11 См., например: Хлебопрос Р.Г., Тасейко О.В., Иванова Ю.Д., Михайлюта С.В. *Красноярск. Экологические очерки: монография* // Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. URL: http://modernproblems.org.ru/attachments/article/215/Monografia_пак.pdf (доступ 07.02.2018).
- 12 *Сведения о государственном долге Красноярского края по состоянию на 01.01.2018* // Официальный портал Красноярского края. URL: <http://minfin.krskstate.ru/openbudget/gosdolg/info/0/id/29938> (доступ 07.02.2018).
- 13 *Объем и структура государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований. Ежемесячные данные с 01.02.2017 по текущую отчетную дату* // Минфин России. URL: https://www.minfin.ru/performance/public_debt/subdbt/2017/ (доступ 07.02.2018).
- 14 *Путеводитель по бюджету Красноярского края-2017* // Министерство финансов Красноярского края. С.10. URL: <http://minfin.krskstate.ru/dat/File/10/17-19%20correct%20.pdf> (доступ 07.02.2018).
- 15 *Социально-экономическое положение края...*
- 16 Ядринцев Н.М. *Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия: современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее* // СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1882. В частности, С. 493. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-648/> (доступ 07.02.2018).
- 17 Хансен Ф. *В страну будущего* // Петроград, 1915 (Переиздано — Красноярск: Издательство "Тренд", 2009).
- 18 Ядринцев Н.М. *Цит. соч.*
- 19 См.: Текст: № 70. *Декларация Временного Сибирского Правительства о государственной самостоятельности Сибири* // Скепсис. URL: https://scepisis.net/library/id_2874.html (доступ 07.02.2018).

- 20 *Красноярский край и руководители крупнейших бизнес-структур договорились о взаимодействии в регионе* // Красноярский край. Официальный портал. 2017. 12 декабря. URL: <http://www.krskstate.ru/press/news/0/news/86533> (доступ 07.02.2018).
- 21 Ядринцев Н.М. *Цит. соч.* В частности, С.511–513.
- 22 *Там же.* С. 509.
- 23 Потанин Г.Н. *Нужды Сибири* // Сибирь, ее современное состояние и нужды: сборник статей под ред. И. С. Мельника. СПб: Издание А.Ф. Девриена, 1908. С.293–294. URL: <http://elibrary.tomsk.ru/purl/1-647/> (доступ 07.02.2018).